

Запрещение репрессалий, предусмотренное Дополнительным протоколом I: усиление защиты жертв вооруженных конфликтов

Константин Обрадович¹

С некоторым чувством неловкости откликнулся я на призыв «Журнала» к «ветеранам» Дипломатической конференции по вопросу подтверждения и развития международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (ниже: Дипломатическая конференция), отметить 20-летие со дня подписания Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. В тот день — 8 июня 1977 г., все мы, кто так или иначе участвовал в составлении этих документов, испытывали, с одной стороны, облегчение от того, что наконец выполнили возложенную на нас задачу, а с другой — радость, так как успешно завершили важное дело, направленное на защиту жертв войны. Ведь благодаря этим двум Протоколам, обновившим право вооруженных конфликтов, в данной области был совершен настоящий прорыв. Не будем забывать, что Протоколы ратифицировали две трети всех стран. Однако выполнение на практике положений этих документов, увы, оставляет желать лучшего. Нужно ли в подтверждение приводить печальные примеры конфликтов, которые происходили в мире на протяжении всех этих 20 лет? Вряд ли. Лучше всего мне знакомы так называемые югославские войны (1991–1995 гг.); они — самый яркий пример зияющей пропасти между правом и его применением. Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что в настоящее время все это происходит в мире, где после крушения тоталитаризма остался всего лишь один полюс силы. Его составляют государства, которые, основываясь на своих демократических традициях, своей философии прав человека, общей концепции права и его значимости, способствовали после Первой мирной конференции, проходившей в Гааге в 1899 г., развитию, утверждению и подтверждению той

---

¹ **Константин Обрадович** преподает международное право на факультете политологии Белградского университета. Участвовал в Дипломатической конференции 1974–1977 гг. в качестве члена югославской делегации и заместителя председателя Первого комитета.

Статья написана на французском языке.

отрасли права, которая называется международным гуманитарным правом, применяемым в условиях вооруженных конфликтов. И я считаю, что расхождение между правом и его применением объясняется отсутствием у этих стран политической воли, желания «заставлять соблюдать» это право во всем мире. Я несколько не сомневаюсь, что в их распоряжении имеется достаточно эффективных средств, чтобы добиться этого, но — не хватает политической воли, и это очевидный факт.

Короче говоря, радость, которую мы испытали в момент подписания Протоколов, была, несомненно, оправдана как с точки зрения *содержания* этого права, так и *формулировки* его положений. Потому что это действительно хорошее право. Так я считал в то время, считаю и сейчас. Эти документы хорошо составлены: во-первых, в отличие от старого Гаагского права, они затрудняют ведение военных действий. Во-вторых, если война все же развязана, это право предусматривает санкции в случае нарушения норм, регулирующих ведение боевых действий. Сегодня всякий, кто преднамеренно нарушит эти нормы, несет прямую индивидуальную уголовную ответственность. Может ли быть иначе, если международное сообщество не только запрещает вооруженные конфликты, но, более того, не разрешает применять вооруженную силу в любой форме, а также прибегать к угрозе ее применения? Мне кажется, что нет. И было бы несправедливо подвергать критике право, так удачно вписывающееся в правовое пространство, право, отражающее стремление установить международный публичный порядок там, где господствует грубая сила.

Чувство неловкости, упомянутое в начале этой статьи, связано, как вы понимаете, не с самим правом, а с тем, как его *выполняют*. Однако не следует забывать, что прошло 40 лет, прежде чем Гаагское положение было по достоинству оценено в Нюрнберге. Поэтому мы, очевидно, с полным основанием можем надеяться, что со временем даст о себе знать та политическая воля, которой сегодня недостает в отношении применения права. Мы также надеемся, что обязательство «заставлять соблюдать» все же поймут и будут выполнять, вкладывая в него тот же смысл, что и авторы статьи 1 — общей для Женевских конвенций. Данное обязательство было подтверждено в статье 1, пункт 1, Протокола I, но, позволю себе заметить, это было сделано в правовом контексте, который существенно отличался от условий, сложившихся в 1949 г. Впрочем, это придает обязательству только более императивный характер. Таким образом, результаты, достигнутые благодаря проделанной в 1974–1977 гг. работе, являются важным достижением в деле улучшения защиты жертв войны, что подтверждает закономерность желания отметить 20-летие со дня подписания этих документов, несмотря на упомянутое выше чувство неловкости.

Как и всякое человеческое начинание, Дополнительные протоколы, несомненно, можно критиковать по многим пунктам, но я не хочу этого делать здесь. Поговорим лучше о закрепленных в них достижениях, в частности — о том, что, на мой взгляд, наиболее важно, — о запрещении репрессалий.

Если говорить о защите, предоставляемой человеку в ходе вооруженного конфликта, то в каком случае его положение будет самым тяжелым? По всей

видимости, тогда, когда он оказывается во власти неприятеля. Его положение будет еще хуже, если он принадлежит, к несчастью, к той стороне в конфликте, которая ведет «тотальную», то есть беспощадную, войну (даже если этот человек — самый мирный на свете и, кроме того, откровенно ненавидит режим, существующий в его стране). Против него могут применить репрессалии и наказать за расстрел всех военнопленных, за убийство раненых, за пытки гражданских лиц. А ведь речь идет о ни в чем не повинном человеке, который не имеет ничего общего с этими преступлениями и который, возможно, искренне осуждает их. Так вот — Протокол I, развивая положения, принятые в 1949 г., устанавливает практически абсолютный запрет на репрессалии, направленные против всех категорий покровительствуемых лиц, оказавшихся во власти неприятеля. Обусловлено это не только гуманитарными, но и чисто рациональными соображениями. История войн, особенно Второй мировой, ясно свидетельствует: репрессалии не только варварская и несправедливая мера, так как от них всегда страдают ни в чем не повинные люди, они — безрезультатны. Даже если эти меры «оправданы» и являются ответом на нарушение противником правовых норм, они никогда не способствуют восстановлению законности. Напомним, что ни массовые расстрелы во время последней мировой войны, ни расправы, подобные той, которая произошла в Орадуре, не поколебали воли людей к сопротивлению. Ясно, что бессмысленно прибегать к таким мерам.

Дипломатической конференции не удалось добиться такого же запрета репрессалий, имеющих место в ходе боевых действий. Ясно, что если одна из сторон в конфликте подвергает варварской бомбардировке города, противник не вправе предпринять подобные ответные меры, потому что гражданское население и невоенные объекты при любых обстоятельствах находятся под защитой гуманитарного права. В ряде случаев он может сделать это на поле боя в ответ на серьезное и явное нарушение, допущенное неприятелем. Но тогда при соблюдении некоторых условий удар должен быть направлен против комбатантов и военных объектов. О действительности такого рода репрессалий должны судить военные эксперты. Однако опыт показывает, что нападение на гражданское население противника даже в качестве «оправданных» репрессалий ни к чему не приводит. Следствием бомбардировки Лондона и других британских городов в 1940 г. стало уничтожение Дрездена и Лейпцига в 1945 г. Ни союзники, ни государства Оси не отступали перед такими жертвами, а нацистская Германия подписала акт о капитуляции лишь тогда, когда всякое сопротивление стало практически бессмысленным. После 1945 г. конфликты, получившие название «внутренних», только подтвердили известную истину: нападения, даже «оправданные», направленные против гражданского населения, никак не влияют на исход войны; единственным их результатом становится всеобщее насилие.

Можно было бы возразить, что предусмотренное в Протоколе I запрещение репрессалий не положило конец подобной практике. Ярким примером тому являются «югославские войны». Да, это так. Однако ясные и четкие положения, касающиеся этого запрета, рассеивают малейшие сомнения в том, что репрессалии против гражданского населения и гражданских объектов являются серь-

езным нарушением международного гуманитарного права. И то, что в это была внесена ясность — чрезвычайно важное достижение. В настоящее время любая воюющая сторона, которая вступает на этот путь, должна четко осознавать, что она нарушает гуманитарное право и действует на свой страх и риск. Другими словами, если те, кто приказал совершить или совершил подобные действия, предстанут перед своим судом или перед международным трибуналом, они больше не смогут оправдываться тем, что их действия явились ответом на такие же насильственные действия противника. Если одна из целей гуманитарного права — предупреждение бессмысленной жестокости, то благодаря этому запрету она достигается. Запрещение репрессалий против находящихся под защитой гуманитарного права лиц и объектов, возведенное в ранг основного принципа и упоминаемое для уточнения его значения в различных статьях Протокола I, несомненно, является преградой на пути насилия.
